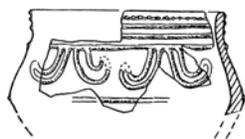

Санжаров С. Н.

ПРОБЛЕМЫ ФИНАЛА КАТАКОМБНОГО КУЛЬТУРОГЕНЕЗА И КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ БАБИНО III

Анализируются проблемы сложения представлений о содержании позднего этапа катакомбной культуры, культуры многоваликовой керамики, финальнокатакомбных древностей Восточной Украины. Интерпретируется состав керамической коллекции поселения Бабино III и выделяются отдельные ее группы. Предлагаются выводы о характере катакомбно-абашевского синкретизма культурных традиций на этапе финала катакомбного культурогенеза.

В 50-60-е годы прошлого столетия в отечественной археологии бронзового века продолжался поступательный процесс накопления поселенческих и погребальных источников. Бурный приток массовых материалов, вызванный разворачивающимися масштабными новостроечными работами в зонах мелиоративного строительства, только ожидался. Однако сформировавшаяся на тот момент источниковая база уже позволяла осуществлять первые обобщения, хотя и в русле дореволюционных интерпретаций. Естественно, выход в свет в 1955 г. монографии Т. Б. Поповой «Племена катакомбной культуры» был достаточно знаменательным и резонансным научным событием, по крайней мере для украинских исследователей бронзового века, поскольку труд московского археолога в значительной степени основывался на содержании древностей Украины.

Используя имеющиеся на то время источниковые данные Т. Б. Попова обобщила представления о характере катакомбных памятников эпохи бронзы, выделила в рамках катакомбной культуры пять территориальных, один хронологический и территориальный, вариантов и разграничила катакомбную культуру на три этапа – ранний, развитой и поздний [Попова, 1955, с. 28,67]. В основу этапного членения была положена эволюция форм и орнаментация керамики. В состав поздних катакомбных древностей исследователь включила обширную группу украинских поселенческих материалов, керамический комплекс которых иллюстрировал преобладания орнаментов в виде всевозможных сочетаний налепных валиков с прочерками и ногтевыми защипами. «На сосудах позднего этапа катакомбной культуры, - по наблюдению Т. Б. Поповой, - мы имеем целые

ряды валиков, покрывающих горло и тулово сосудов. Очень часто валики с ногтевыми зашипами образуют на поверхности сосудов сложный орнамент в виде треугольников, елочек и других узоров» [Попова, 1955, с. 38].

Ответ на монографию московского ученого со стороны украинских коллег не заставил долго ждать, и уже в начале 1957 г. С.С. Березанская и О.Г. Шапошникова публикуют совместную рецензию. Признав вышедшую монографию «безусловно, научным и интересным исследованием», авторы рецензии предложили собственное видение территориальных границ катакомбной культуры, увязав их «со степной полосой Украины и Поволжья» [Березанская, Шапошникова, 1957, с. 272]. Весьма остро была воспринята атрибуция украинских поселений с многоваликовой керамикой (Бабино III, Волынцево) поздним этапом катакомбной культуры. В условиях отсутствия общепринятых представлений о позднекатакомбных древностях поселения с многоваликовой керамикой бронзового века в то время выглядели разительно отличными от существующих керамических катакомбных стандартов [Санжаров, 2011, с. 175]. Поэтому С.С. Березанская и О. Г. Шапошникова пришли к выводу о том, что поселения Бабино III и Волынцево «никаких следов катакомбной культуры» не обнаруживают и территориально сеть этих бытовых памятников выходит за пределы степной Украины в лесостепные и полесские районы, т.е. за рамки воспринимаемого в то время пространства катакомбной культуры [Березанская, Шапошникова, 1957, 272]. Устраняясь от конкретной атрибуции рассматриваемых бытовых памятников бронзового века, исследователи решили отнести их к «какой-то особой, совершенно самостоятельной этнической группе» [Березанская, Шапошникова, 1957, с.272].

В качестве основного примера некатакомбной культурной принадлежности украинских поселений бронзовой эпохи с многоваликовой керамикой С. С. Березанская и О. Г. Шапошникова презентовали материалы поселения Бабино III на Днепре, раскопанного А. В. Добровольским [Добровольский, 1957, с.40-45]. Вскоре именно они стали ведущими аргументами в системе доказательств С.С. Березанской о выделении бытовых древностей с многоваликовой керамикой в особое культурное явление, историческое образование, синхронное распространению на юге Украины катакомбной культуры, в культуру поселений типа Бабино III, возводя данный памятник в ранг эталонных среди поселений с многоваликовой керамикой [Березанская, 1960, с. 27, 40 - 41]. Примечательно, что украинские исследователи настолько увлеклись детализацией содержания нового археологического образования, что еще долго вообще не поднимали вопрос о самой специфике позднекатакомбных древностей. Он был полностью обойден и опущен даже в знаковой работе О. Г. Шапошниковой по катакомбной культурно-исторической области [Шапошникова, 1969, с.85-118]. Катакомбные

древности всего степного Приднепровья еще долго продолжали датироваться только эпохой ранней бронзы, временем позднего этапа ямной культуры [Шапошникова, 1968, с. 93]. И лишь в кандидатской диссертации С. Н. Братченко были конкретизированы ведущие признаки позднекатакомбных захоронений и обращено внимание на то, что в орнаментации позднекатакомбной керамики все же «доминирует валиковая и прочерченная техника» [Братченко, 1969, с. 11-12].

Введенная в научный оборот керамическая коллекция поселения Бабино III отличалась особыми формами сосудов и орнаментационными мотивами, состоящих из оттисков шнура, налепных и выделенных валиков, прочерков, формирующих «сложные и разнообразные композиции» из елочек, треугольников, углов и криволинейных элементов. Исследователь памятника А. В. Добровольский отмечал, что раскопками поселения Бабино III только начато изучение памятников с многоваликовой керамикой, и определил его хронологию (не культурную атрибуцию) – позднекатакомбным временем [Добровольский, 1957, с. 45]. Следует отдать должное, в 1960 г. на этапе выделения группы многоваликовых бытовых памятников С.С. Березанской они вовсе не рассматривались в качестве новой археологической культуры, а лишь в виде культурной группы памятников, синхронной катакомбной культуре [Березанская, 1960, с.44 - 47].

Тем не менее в том же 1960 г. в ответной статье по поводу атрибуции «многоваликовых» памятников Т. Б. Попова приписала С. С. Березанской выделение не группы, а именно «культуры многоваликовой керамики» [Попова, 1969, с. 42], т.е. данное название впервые введено оппонентом С. С. Березанской в этом вопросе и было переименовано в качестве авторской позиции. Лишь спустя два года данный термин начинает использовать и С. С. Березанская [Березанская, 1962, с. 6-15]. Позднее будет уточнено, что выделенные С. С. Березанской многоваликовые древности как бы сами вошли в археологию под названием «культуры многоваликовой керамики», или КМК [Березанская, 1986, с. 5]. Имели место различные подходы к использованию терминов и авторских позиций. Так, Т.Б. Попова писала, что А.В. Добровольский отнес Бабино III к катакомбной культуре [Попова, 1960, с. 44]. Ей следовал Б.А. Латынин, при этом известный своей пунктуальностью [Латынин, 1964, с. 59]. Сам С.Н. Братченко также считал С.С. Березанскую автором выделения памятников с многоваликовой керамикой в самостоятельную культуру [Братченко, 1969, с. 15].

После раскопок Ливенцовского поселения и Ливенцовской крепости к материалам поселения Бабино III, с целью поиска аналогий и уточнения особенностей культурного содержания нижнедонских и украинских древностей, обратился С. Н. Братченко. В 1977 г. вышла в свет его обобщающая работа, одна из главенствующих в понимании специфики культуры многоваликовой керамики – «К

вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики)» [Братченко, 1977]. Поскольку для С.Н. Братченко как представителя классической археологии материальный комплекс древних памятников являлся первоначальным в понимании специфики того или иного культурного явления, а сама керамика – «ведущим слагаемым археологической культуры», - исследователь уделил массу времени и сил изучению и зарисовкам керамической коллекций поселения Бабино III, её сопоставлению с синхронными древностями. С учетом особой значимости керамического комплекса Бабинского поселения для интерпретации содержания КМК, первостепенной важности поселенческих источников в осмыслении нового археологического образования С.Н. Братченко было предложено переименование всей культуры по названию эталонного памятника – поселения Бабино III в бабинскую культуру [Братченко, 1977, с 23]. В этой же статье исследователь опубликовал представительную выборку керамики Бабинского поселения с указанием находок отдельных образцов в пределах нижнего или верхнего жилища [Братченко, 1977, с. 27–30, рис. 2, 3,5]. К сожалению, на тот момент С. Н. Братченко ставил задачу только суммарного анализа бабинской поселенческой керамики без разграничения её на культурно-хронологические группы, что уже тогда бы позволило на базе вычленения раннего горизонта Бабино III конкретизировать вопрос происхождения наиболее ранних памятников КМК.

В начале своей хрестоматийной работы С.Н. Братченко говорит об удивительном однообразии и однотипности многоваликовых древностей всего ареала их распространения, «стирающую бывшую культурную пестроту и известную самостоятельность отдельных регионов» [Братченко, 1977, с. 23]. Он отмечает, что на известных на то время катакомбных поселениях, особенно в степной зоне, отсутствуют сосуды бабинского типа с многоваликовыми узорами. Сопоставление катакомбных и бабинских памятников приводит автора к мысли об их отличии и в формах посуды, и в орнаментальных сюжетах, и в технике исполнения. Различия он наблюдает в изделиях из камня, кремня, кости, рога и металла, и, наконец, в погребальном обряде [Братченко, 1977, с. 24].

Между тем в заключительной части статьи, после сравнений бабинских древностей с катакомбными харьковско-воронежскими, направления размышлений автора несколько меняются. Выясняется, что на поздней ступени развития всей катакомбной области отмечается переход от шнуровых и гребенчатых орнаментов к валиковым и прочерченным. «На позднекатакомбной ступени развития появляются сосуды, сочетающие эти два стиля, и орнаментированные только валиковой или в прочерченной технике, а в памятниках Лесостепной зоны содержится немало элементов, которые отсутствуют в степных катакомбных группах, но получают широкое распространение и дальнейшее развитие в ба-

бинской культуре» [Братченко, 1977, с.35]. Далее С.Н. Братченко констатирует определенную культурную близость катакомбных харьковско-воронежских (среднедонских) и бабинских памятников, фиксирует факт культурных смещений в позднекатакомбное время в Днепро-Донском ареале и «продвижение племен в украинские и донские степи с севера, из Лесостепи, проникновение племен из Задонья (левобережья Нижнего Дона)» [Братченко, 1977, с. 31, 41].

Наличие сопоставимых элементов в катакомбной и бабинской культурах С.Н. Братченко объяснял не тождественностью этих культур, а их генетической связью. Высказанная исследователем мысль о том, что «бабинские памятники представляют иное образование с существенными переоформлениями и нововведениями в культуре» [Братченко, 1977, с.35], нацеливает исследователей на поиск причин переоформлений и нововведений все же в рамках позднекатакомбной культуры, поскольку этим воздействиям подвергались поздние катакомбные традиции в процессе перемещения племен в степной Донецко-Донской регион из Лесостепи, Задонья. Важно, что применительно к бабинским древностям С. Н. Братченко никогда не использовал термин «посткатакомбные».

Проблему генезиса и культурной атрибуции многоваликовых древностей, памятников типа поселения Бабино III в то время возможно было бы решить вычлениением раннего этапа КМК и анализом ранних материалов поселения Бабино III на фоне стационарных раскопок восточнукраинских позднекатакомбных поселений. Однако именно на 70–80 гг. прошлого столетия пришелся пик поступлений погребальных источников из-за объемных раскопок курганных могильников в зонах мелиоративного строительства. На долгие годы внимание исследователей привлекает открывшаяся перспектива идентификации погребальных древностей КМК, вводя их в научный оборот, и осмысления на фоне уже предложенных интерпретаций бытовых памятников.

Известное первенство в данном направлении принадлежит И. А. Писларю, на основе погребальных источников Северского Донца и их относительной стратиграфической позиции разграничившему КМК на 3 этапа (ранний, средний и поздний) [Писларий, 1983, с. 16]. Всю группу поселенческих источников КМК (около 80 поселений) исследователь расчленил только на 2 этапа. К раннему этапу им были отнесены поселения, содержащие примесь катакомбной керамики, а к позднему – посуду с элементами срубной и абашевской культур [Писларий, 1983, с. 9].

На основе анализа объемных поселенческих и погребальных источников КМК, сформировавшихся к середине 80-х гг. прошлого столетия, С.С. Березанская пришла к выводу о том, что «достаточно отчетливо выделяются» два периода в развитии КМК. Из них ранний частично синхронизируется с катакомбной и среднеднепровской культурами и основательно – с постшнуро-

выми культурами, ранними периодами культуры Монтеору, Глиной III, Шнекенберг, ранними фазами абашевской культуры, памятниками типа Синташты-Новый Кумак, а поздний – с Микенскими гробницами, Бородинским кладом, культурами Тей, Фюзешабонь, Ватина, Вербичиора, ранними фазами Унетичкой культуры, абашевской культурой [Березанская, 1986, с. 35,39].

Предложенное С. С. Березанской двухэтапное членение КМК было поддержано Э. С. Шарафутдиновой [Шарафутдинова, 1995, с. 132], а трехэтапное разграничение И. А. Пислария – Р. А. Литвиненко [Литвиненко, 1994, с. 6]. В основу анализа КМК последнего были положены только погребения. Захоронения третьего, позднего многоваликового стратиграфического горизонта Подонцовья Р.А. Литвиненко синхронизирует с местными древностями покровского типа и включает их в состав первого срубного горизонта, т.е. в число раннесрубных памятников [Литвиненко, 1994, с. 7].

И. А. Писларий отмечает, при всем лимитировании инвентаря в обряде захоронений КМК некоторое его разнообразие наблюдается лишь на раннем этапе (сосуды, изделия из металла, камня, кости, дерева, производственные наборы инструментов) [Писларий, 1983, с. 10]. Подтверждая, что раннемноговаликовый горизонт иллюстрирует яркую преемственность между катакомбной культурой и КМК, Р. А. Литвиненко указывает на целый ряд позднекатакомбных погребальных традиций в обряде захоронения и инвентаре раннего этапа КМК [Литвиненко, 2001, с. 165]. Тем не менее погребения всех трех этапов КМК Р.А. Литвиненко относит к посткатакомбным памятникам в рамках единой бабинской культуры [Литвиненко, 2001, с. 165, 174]. В то же время исследователь констатирует обстоятельство «значительного сходства между собой по всему комплексу признаков» древностей только раннего и среднего этапов КМК, а памятники третьего этапа «демонстрируют разительное несовпадение по целому ряду параметров с предшествующими» [Литвиненко, 2001, с. 174].

Первичный ареал погребальных древностей КМК (бассейн Северского Донца, Восточное Приазовье с низовьями Дона, Левобережное Поднепровье от Псла до Нижнерогатинского лимана с выходом на Правобережье) Р. А. Литвиненко установлен концентрацией ранних захоронений КМК с датирующим инвентарем (пряжки, желобчатые абразивы, рогатые и бородавчатые бусины, наконечники стрел катакомбного типа) [Литвиненко, 1996, с. 67, 70, рис. 2]. На основе этих погребальных свидетельств он локализирует первичный днепро-донской очаг всего бабинского культурогенеза, исходным продуктом которого и выступает выделяемая им Днепро-Донская бабинская культура [Литвиненко, 2009, с. 63], сохранившая часть комплекса катакомбной материальной культуры – керамика, металлические и каменные орудия, отдельные составляющие погребального приданого (оружие, производственные наборы, деревянная посуда, шкуры жи-

вотных), возможно, и способ перезахоронений костных остатков в «пакетах» [Литвиненко, 2009, с. 58].

Закрепляя функцию базового источника в изучении КМК только за погребениями и отводя поселениям вспомогательную роль, приобретающую «особое значение в тех случаях, когда речь идет о характеристике материальной культуры и особенно керамической посуде» [Литвиненко, 2006, с. 159], исследователь вынужден переместить вышеперечисленную «часть комплекса катакомбной материальной культуры» уже в состав посткатакомбных древностей. Перенос же информации из анализа погребальных источников на все культурное явление, установление географических границ первичного очага всего бабинского культурогенеза без данных поселенческих источников приводит к вымежовыванию из этого очага конкретного места расположения поселения Бабино III, т.е. главного памятника бабинской культуры [Литвиненко, 2009, с. 62, рис. 5; Санжаров, 2012, с. 342]. Закрепляя за поселением Бабино III функцию хрестоматийного памятника, подчеркивая основательность собственного изучения совокупности памятников типа Бабино III путем многоуровневых операций по систематизации массового археологического материала, Р. А. Литвиненко подменяет понятие массового археологического материала с керамического комплекса на погребальные источники КМК [Литвиненко, 2008, с. 348].

В сложившейся ситуации различного понимания содержания КМК и памятников типа Бабино III, подходов к их интерпретации нам представляется актуальной задача конкретизации особенностей керамического комплекса поселения Бабино III, уточнения реальной основы позднекатакомбных древностей в КМК и бабинском культурном наследии, определения специфики финала позднекатакомбного культурогенеза и судьбы катакомбной культуры. Для этого следует обратиться к первоисточнику.

Необходимо отметить, что поселение Бабино III не является гомогенным, однослойным памятником и репрезентирует два одновременных жилища. В пределах общего раскопа площадью более 500 м² А. В. Добровольский [Добровольский, 1957, с. 40-43] вскрыл полуземлянку (жилище 2), глинобитную площадку в гумусированном слое со следами кострищ и яму диаметром 0,5 м, к которой восточнее примыкали остатки глинобитного строения (жилище 1) со столбовыми ямками и завалами стен. Размеры углубленного в материковый суглинок котлована полуземлянки (жилище 2) 8х5 м, глинобитной площадки 3,15х3,15 м, глинобитного наземного жилища (жилище 1) 8х3,3 м. Традиционно исследователи выделяют на Бабинском поселении два жилища – углубленное жилище 2 и верхнее жилище 1 с примыкающей к нему глинобитной площадкой как общий жилой комплекс.

Расположенный в слое лессовидного суглинка котлован жилища 2 имел овальную форму и был ориентирован по линии юго-запад – северо-восток. По периметру дна внутри котлована на высоту до 0,5 м прослеживались остатки стенок из глиняных вальков. В центральной части дна имелось «блюдообразное» углубление диаметром 2 м и глубиной 0,2 м. У западного края данного углубления выявлены два кострища, перекрытые слоем золы и угольков. Земляной пол жилища был покрыт золой, а выше – прослойками суглинка, золы и белого вещества. А.В. Добровольский отмечал, что жилище 2 было оставлено в результате пожара, а его котлован, в котором отсутствовал гумусированный грунт, заполнился еще до момента накопления грунта с культурными остатками на всей площади поселения. Таким образом, котлован жилища 2 представляет собой закрытый археологический комплекс с концентрацией находок как на его дне, так и в заполнении. При вскрытии жилища 2, кроме керамики, найдены медная прональза, шесть металлических шильев, два обломка стержней, шаровидная бусина, фаянсовые бусины, кремневый нож, костяные долотце, шилья, четыре проколки и астрагалы овцы с пришлифованными поверхностями [Добровольский, 1957, рис. 2, 1–3, 6, 7, 9, 10, 14–16].

Верхнее жилище 1 имело удлиненно-прямоугольную форму, вытянутую с юга на север. Его стены были сложены из столбов и глинобитных блоков между ними. Вход в виде коридора находился в юго-восточной части. На земляном полу жилища прослежены остатки кострищ. Такие же кострища находились с внешней стороны с юга и у северо-восточного угла. Внутри жилища не зафиксированы следы пожара, как и культурные остатки. А. В. Добровольский отметил, что жилище 1 и глинобитная площадка размещены в культурном слое поселения, мощность которого составляла от 0,5 м до 1 м от поверхности. Содержание культурного слоя представлено керамикой, плоским пряслицем, двумя заготовками пряслиц с валиковым орнаментом, медным острием, обломком круглого стержня, кремневыми скребками, наконечниками стрел, отбойниками и отходами производств, каменными «грузиком» с желобками по краю, пестиками, растиральниками, 15 обломками топоров-молотков, коническим вывертом, костяными проколками, шильями, рыболовным крюком, овальной пряжкой с двумя отверстиями, астрагалами овцы с подшлифованными гранями и большим количеством костей животных [Добровольский, 1957, рис. 2. 4, 5, 8, 11–13].

Таким образом, в процессе раскопок Бабинского поселения А. В. Добровольским было вскрыто два разнотипных и разновременных жилища. Удалось проследить, что котлован полуземлянки (жилище 2) изолирован от общего культурного слоя и перекрыт смывами грунта. Наземное глинобитное жилище 1 размещалось в культурном слое и лишено находок.

Сам культурный слой, прослеженный по всей площади раскопа, естественно, должен включать материалы не только верхнего глинобитного жилища, но и нижнего – полуземлянки, т.е. отражать свидетельства бытования населения, оставившего эти жилища. По своей сути такой характер общего культурного слоя Бабинского поселения должен рассматриваться как смешанный. Если не считать небольшого количества фрагментов амфорной керамики IV – III вв. до н.э. из юго-западной части поселения, раскопанный памятник можно считать двухслойным. Нижний слой маркируется находками из котлована полуземлянки и синхронными им (однокультурными) материалами из общего культурного слоя. Отложения верхнего культурного слоя должны отождествляться с населением, оставившим наземное жилище и глинобитную площадку, и нуждаются в вычленении и обособлении. Публикуемые образцы керамической коллекции поселения Бабино III [Добровольский, 1957, с. 44, рис. 3], как выясняется, происходят исключительно из котлована жилища 2 и атрибутируют только нижний слой поселения. Это обстоятельство основательно исказило представления о действительном облике бытового памятника, поскольку автор раскопок в публикации дал суммарную характеристику их итогов без разграничения по культурным комплексам жилища 1 и жилища 2.

А. В. Добровольский отметил наличие примеси песка в керамической массе Бабинского поселения [Добровольский, 1957, с. 43-44]. Поверхность сосудов иногда обработана зубчатым штампом, заглажена, залощена. Автор раскопок выделил 3 группы сосудов: с сильно выпуклыми боками, иногда высоко расположенными, со слабо профилированными плечиками и, редко, изогнутыми под углом. Многие сосуды первой группы лишены декора, а часть украшена только в основании шейки и по плечикам. Остальные покрыты сложным орнаментом, включая поверхность днища. Валики с пальцевыми отпечатками иногда присутствуют на внутренней части шеек. Часть сосудов декорирована пальцевыми защипами, валиками с вдавлениями пальцев, а в трех случаях отпечатками шнура. Между шейками и плечиками наблюдаются пояски из тонких бороздок в виде вертикальной елочки. Отмечены наклепные и выделенные из поверхности валики с приостренными спинками, валики простые и украшенные пальцевыми вдавлениями. Валиковые орнаменты формируют композиции в виде елочек, углов и треугольников, опоясывающие ряды и криволинейные мотивы. Изредка сосуды украшены только простой насечкой.

К настоящему времени основной керамический комплекс Бабинского поселения опубликован в достаточно представительном виде. Часть материалов дана в публикациях А. В. Добровольского [Добровольский, 1957, с. 44, рис. 3] и С.С. Березанской [Березанская, 1960, с. 30, рис. 5]. С. Н. Братченко опубликовал в 1977 г. наиболее показательные обломки от 28 сосудов как из котлована

жилища 2, так и из культурного слоя [Братченко, 1977, с. 27 – 30, рис 1, 2, 3], промаркировав сосуды, происходящие из полуземлянки. Основная серия зарисованной С. Н. Братченко керамики Бабинского поселения издана им в 2006 г. в монографии по Ливенцовской крепости [Братченко, 2006, с. 211–216, рис. 104–108]. Здесь уже отсутствуют указания на происхождение фрагментов сосудов, но встречаются авторские ссылки на керамику из нижнего или верхнего культурного слоя. В данной публикации С. Н. Братченко предельно упростил систему группирования признаков керамики. Представлены всего два отдела (отдел А. Бесшейные сосуды. Отдел Б. Сосуды с шейками). Предложенная группировка признаков слишком проста для выделения культурных особенностей керамической коллекции, но вполне приемлема для сопоставительного анализа и систематизированной подачи керамического комплекса поселения [Братченко, 2006, с. 209–214].

Описание керамики Бабинского поселения и статистические подсчеты выполнены С.Н. Братченко по материалам смешанного слоя: 267 обломков шеек и краёв венчиков бесшейных сосудов. Из них 4 экземпляра относятся к целым или графически реконструируемым формам, а 20 – к фрагментам с плечиками и боковинами. Среди обломков 82 экземпляра частей боковин, 290 экземпляров стенок (из них 205 экземпляров с орнаментом) и 80 экз. частей днищ. В технологическом отношении бабинская керамика не однородна, содержит примесь как песка, так толченной ракушки. У большинства сосудов поверхность гладкая, подлощена. Нередки и следы расчесов гребня [Братченко, 2006, с. 208–209].

В нашем распоряжении оказался и крупный обломок верхней части сосуда с валиками на наружной и внутренней поверхности из поселения Бабино III, переданный А. В. Добровольским в Беловодский музей [Санжаров, 2004, с. 119, рис. 32, 6].

Культурная специфика бабинской керамики из нижнего слоя устанавливается по опубликованным С. Н. Братченко сосудам из котлована жилища 2 [Братченко, 1977, с. 27–30, рис. 1, 2, 3]. Этот комплекс включает обломки от 15 сосудов, которые по доминированию различных культурных признаков образуют 3 группы.

Первая группа (8 экз.) характеризует местный позднейший катакомбный культурный тип (рис. 1, 1 – 6, 8, 9). Он включает сосуды с разновеликими раструбными и прямыми шейками, со скругленными выступающими или уплощенными отвесными плечиками. Известную приостренность боковинам (некую биконичность) придают пояски налепных валиков, размещенные в месте их максимального расширения (рис. 1, 3, 6). Здесь присутствует и ярко выраженная желобчатость шейки (рис. 1, 4). Основания шеек подчеркнуты круговыми поясками из оттисков шнура, коротких штампиков из перевитого шнура, налепными

и выделенными валиками. На поверхности шеек подобные валики формируют многорядье (рис. 1, 2, 3) или же одиночные круговые пояски как под верхнем краем шеек, так и в их основании (рис. 1, 6). Нередко венчик и край шейки украшены короткими насечками (рис. 1, 2, 3, 5). На плечевом поясе сосудов размещены шнуровые и валиковые фестоны, обращенные вершинами вверх (рис. 1, 1, 2), спускающиеся валиковые дуги (рис. 1, 3), прочерченные элементы декора в виде вертикальных елочек и паркетных мотивов (рис. 1, 4, 6).

В эту позднейшую катакомбную группу входят обломки неорнаментированной чаши (рис. 1, 9) и верхняя часть горшка с сужающейся шейкой, к боковинам и горлу которого прикреплена петельчатая ручка (рис. 1, 8). Сосуды с подобными сужающимися шейками типичны для позднекатакомбного керамического комплекса Восточной Украины [Санжаров, 2010, рис. 187, 1 - 10]. Хотя горшки с петельчатыми ручками встречаются не очень часто, но их тип известен в составе позднекатакомбной керамики из памятников маньчского типа и в целом тяготеет, по данным С. Н. Братченко, к району Левобережья Нижнего Дона [Братченко, 1976, с. 92]. С другой стороны, примечательные нижнедонские реповидные формы маньчских (предкавказских) сосудов в позднекатакомбное время становятся ярким типом в составе харьковско-воронежской керамики Северского Донца [Санжаров, 2010, с. 257]. Здесь же, в Северскодонском регионе, именно в декоре маньчской посуды отчетливо наблюдается разнообразие прочерченного, в том числе и паркетного, и рельефного валикового орнамента, характерного и для поздних харьковско-воронежских (среднедонских), и для маньчских памятников [Смирнов, 1996, с. 65].

Во вторую группу керамики из котлована и дна жилища 2 Бабинского поселения входят формы посуды, репрезентирующие не только позднюю, но и развитую доно-волжскую абашевскую керамику (рис. 1, 10-15), т.е. инокультурный для данной территории компонент. К характернейшим абашевским колоколовидным формам относятся обломки от четырех сосудов (рис. 1, 10-13). Они демонстрируют как желобчатость раструбных шеек (рис. 1, 10), так и приостренное ребро на внутренней поверхности горла (рис. 1, 11). В декоре представлены прочерченные вертикальные композиции, разнообразные насечки и свисающие фестоны. Обнаружение подобных колоколовидных сосудов на поселениях эпохи бронзы бассейна Северского Донца стало реальным подтверждением участия мигрирующего доно-волжского абашевского населения в процессах культурной интеграции на территории современной Восточной Украины [Санжаров, 2010, с. 286 - 288].

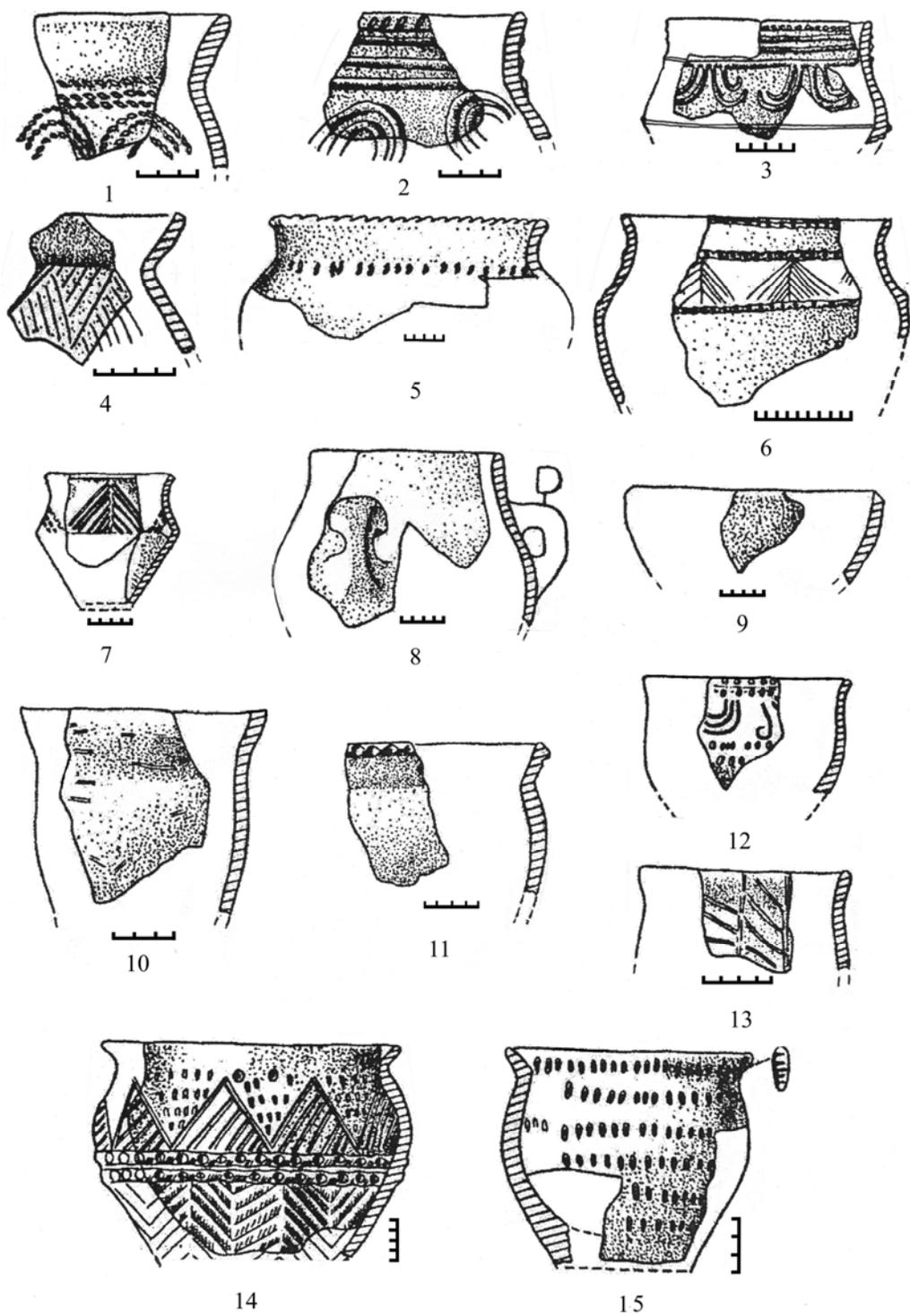

Рис. 1. Поселение Бабино III. Керамика из закрытого бытового археологического комплекса – дна и котлована жилища 2

Обломки от двух сосудов из нижнего жилища (рис. 1, 14, 15) иллюстрируют тип горшковидной абашевской посуды. В их оформлении использовано приостренное ребро на внутренней поверхности горла (рис. 1, 15). Модификацией позднекатакомбных орнаментационных традиций являются наблюдаемые в декоре этих горшковидных сосудов прочерченные зигзаги – треугольники, выделенные валики, пояски из оттисков «гусенички» и елочные мотивы на придонной части поверхности.

В целом, позднекатакомбные и абашевские традиции на сосудах из жилища 2 демонстрируют общий смешанный культурный тип его обитателей, насыщенный катакомбно-абашевским синкретизмом. Особо ярко он выражен в своеобразии отвесных и уплощенных плечиков позднекатакомбных сосудов и в проявлениях позднекатакомбных традиций в орнаментации абашевских горшковидных сосудов. Подобный культурный синкретизм наблюдается и на фрагментах миниатюрного сосудика с плавным изгибом раструбной шейки и приостренными боковинами, декорированном на поверхности шеечно-плечевого пояса прочерченными вертикальными елочками (рис. 1, 7). По всей видимости, именно этот миниатюрный сосудик является продуктом катакомбной модификации абашевских миниатюрных остросереберных сосудиков. Сохраняя абашевские миниатюрные пропорции (высота около 12 см, диаметр дна 4 см), отогнутость шейки, уплощенность коротких плечиков, приостренность боковин и небольшое донце [Пряхин, Беседин, 1998, с. 63], этот сосудик иллюстрирует катакомбную стройность (максимальный диаметр приходится на верхнюю треть высоты корпуса) и позднекатакомбный декор в виде елочки с вертикальной осью, отголоском которого являются некоторые растительные мотивы на абашевской посуде [Пряхин, Беседин, 1998, с. 62, рис. 2, 5]. Подобную прочерченную елочку наблюдаем и на плечевом поясе сосуда позднекатакомбного типа из жилища 2 (рис. 1, 6).

Таким образом, особенности состава керамики жилища 2, представляющего закрытый археологический комплекс и иллюстрирующего содержание нижнего слоя поселения Бабино III, неоспоримо свидетельствуют о культурном синкретизме его обитателей. С одной стороны, это местный позднейший катакомбный тип, а с другой – пришлый доно-волжский абашевский. Несомненно, материальный комплекс жилища 2 и однотипная, тождественная ему часть содержания общего культурного слоя Бабинского поселения, наглядно фиксирует и репрезентирует начальную стадию катакомбно-абашевского синкретизма на территории современной Восточной Украины, в дальнейшем приведшего к ощутимой трансформации целостного прежде катакомбного культурного типа на заключительной стадии его эволюционного развития.

Поскольку верхнее глинобитное жилище 1 лишено находок, то установить его культурную принадлежность, а вместе с этим и основное содержание мате-

риалов верхнего культурного слоя, представляется возможным путем вычленения из общей керамической коллекции посуды, типологически однородной или же близкой специфическому культурному облику обитателей полуземлянки – жилища 2. Взяв за основу культурно-хронологического членения общей керамической коллекции из культурного слоя поселения Бабино III ведущие параметры керамического комплекса жилища 2, мы, с одной стороны, на более массовом материале конкретизируем культурный тип нижнего слоя, а с другой – типологически отличная от содержания нижнего слоя керамика сформирует культурный облик как обитателей более позднего глинобитного жилища 1, так и уточнит характер материалов связанного с ним верхнего слоя.

Следует иметь в виду то обстоятельство, что керамическая коллекция нижнего слоя отражает достаточно определенный отрезок времени бытования первичного населения Бабинского поселения, от возникновения жилища 2 до его гибели в результате пожара. Последнее обстоятельство, а также перекрытие котлована жилища заплывшим суглинком, изолировало нижнее жилище 2 от верхнего черноземного грунта, содержащего культурные остатки не только нижнего слоя, но и обитателей глинобитной наземной постройки.

Вся вычленяемая типологически керамическая коллекция нижнего слоя Бабинского поселения, в основе которой лежат уже установленные особенности керамического комплекса жилища 2, также подразделяется на три группы, каждая из которых имеет собственную специфическую культурную окраску, иллюстрирующую конкретную культурно-историческую ситуацию или законсервированную историческую реальность в Донецко-Донско-Днепровском регионе на заключительном этапе эпохи средней бронзы.

Керамика первой группы включает обломки позднекатакомбных сосудов с четкими элементами катакомбно-абашевского синкретизма. Явно доминируют горшки с раструбными шейками разной высоты (короткие, средневысокие, высокие) (рис. 2; рис 3, 2, 5). Различные вариации наблюдаются в оформлении шеек. Среди керамики первой группы представлены шейки плоские и ровные (рис. 2, 1, 3, 5, 7, 11, 18; рис. 3, 2, 5), шейки с очень плавным отгибом наружу (рис. 2, 2, 8, 12–14, 16, 17, 20), шейки желобчатого типа (рис. 2, 9, 10, 19) и шейки с закраиной под верхним краем (рис. 2, 3, 15, 18). Некоторые экземпляры отличаются четким ребром на внутренней части горла (рис. 2, 1, 5, 7). Преобладают сосуды с плавным изгибом горла, переходящего в выпуклые выступающие (рис. 2, 5, 6, 17) и слабо выпуклые низкие плечики (рис. 2, 13, 14 - 16). Нередко плечики сосудов уплощены и несколько опущены (рис. 2. 9–11, 18, 20; рис. 3, 2, 5). При резком схождении стенок к днищам они презентуют определенную остроту ребер боковин. Внешнюю острореберность боковин некоторых сосудов придают

круговые пояски валиков, размещенные в месте максимального расширения корпуса.

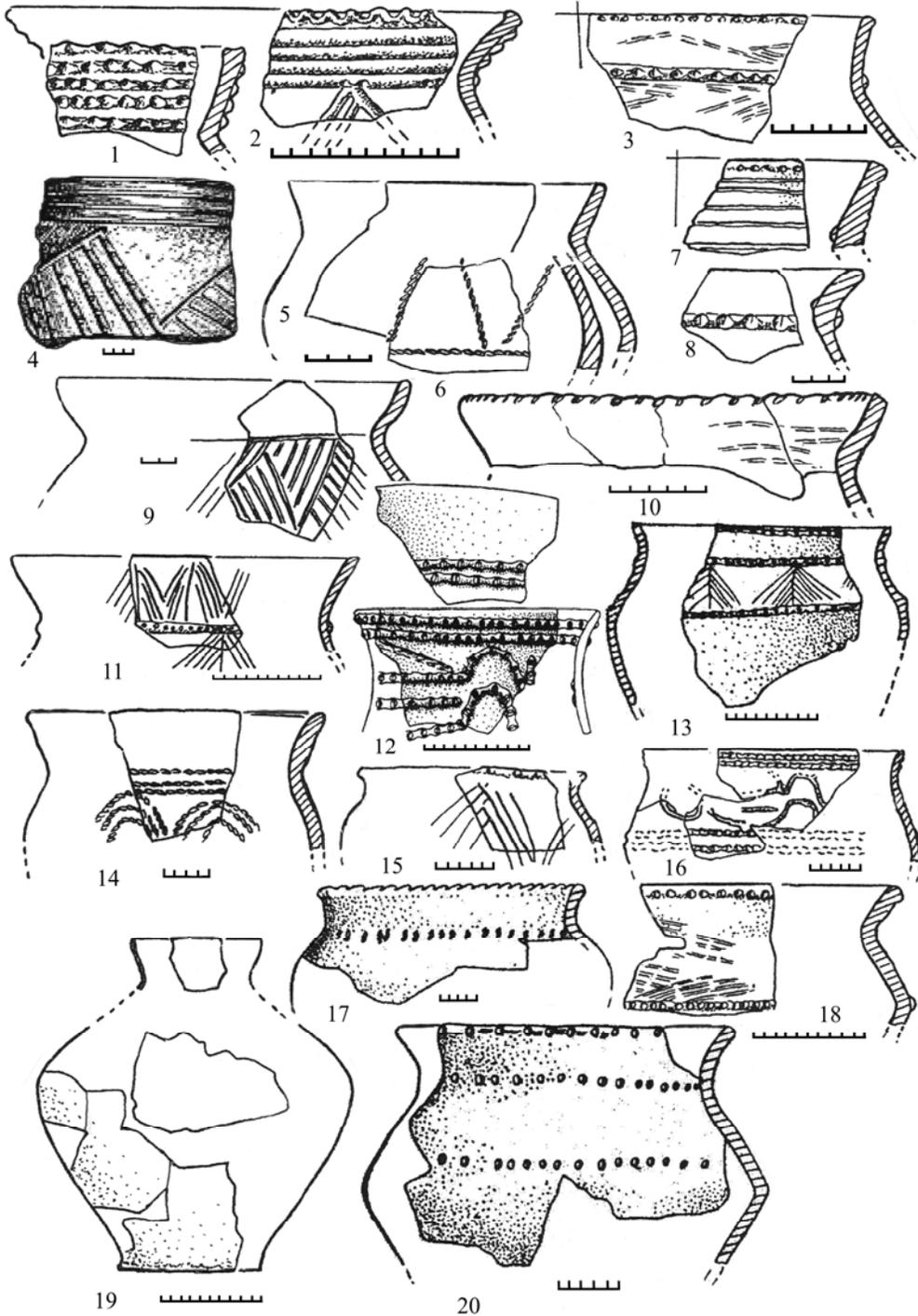

Рис. 2. Поселение Бабино III. Финальнокатакомбная керамика (первая группа)

Выделяется сосуд с высокой раструбной шейкой подцилиндрической формы (рис. 2, 12). Плавный и слабый изгиб невыразительного горла трансформирует его в нижнюю часть изогнутой шейки. Сосуды со столь специфическими высокими изогнутыми шейками присутствуют в керамическом позднекатакомбном комплексе тех поселений Подонцовья, где зафиксировано наличие позднеабашевских материалов (Алешин Ручей, Серебрянское, Круглое Озеро 1) [Санжаров, 2010, с. 82, рис. 41, 12, с. 108, рис. 65, 4, с. 165, рис. 114, 5]. Известны они и в составе финальнокатакомбных (Черниково Озеро 2, Дроновка) и финальноабашевских (Черниково Озеро 1) донецких бытовых керамических комплексов [Санжаров, 2010, с. 203, рис. 150, 13, рис. 228, рис. 169, 3, с. 195, рис. 142, 4]. В орнаментации подобных форм использованы только валиковые сюжеты.

Технология и способы орнаментации сосудов первой группы нижнего слоя Бабинского поселения почти полностью соответствуют позднекатакомбной керамической традиции. На шейках наблюдаются многоярусные пояски валиков (рис. 2, 1, 2, 4). Одиночные и спаренные пояски наlepных и выделенных валиков фиксируются у края шеек, по горлу и боковинам (рис. 2, 3, 8, 11 – 13, 16, 18). Нередко подобные орнаментальные пояски выполнены не только валиками, но и вдавлениями шнура (рис. 2, 6, 14), прочерками и врезными линиями (рис. 2, 7, 9), оттисками разнообразных штампов (рис. 2, 17, 20). Спинки валиков часто украшены пальцевыми вдавлениями, защипами и насечками, имеют гладкую или приостренную поверхность. Под верхнем краем шеек почти обязательным становится круговой поясик из мелких разнообразных вдавлений (рис. 2, 3, 7, 10, 15, 17, 18, 20). Поверхности шеек и плечиков некоторых сосудов декорированы сложными элементами в виде шнуровых зигзагов и обращенных вверх фестонов (рис. 2, 6, 12, 14), треугольников вершинами вверх (рис. 2, 2, 4), удлинённых змеевидных зигзагов (рис. 2, 16) из валиков, прочерченных зигзагов, треугольников и вертикальных елочек (рис. 2, 9, 11, 13, 15). Определённый элемент декора несут упорядоченные расчёсы на поверхности шеек и плечиков (рис. 2, 3, 10, 18). Некоторые сосуды пояски наlepных валиков имеют и на внутренней поверхности шеек (рис. 2, 7, 8, 12).

В качестве позднейших признаков позднекатакомбной керамической коллекции Бабинского поселения выступают желобчатость шеек, приостренность внутренних частей горловин, уплощенные отвесные плечики и остросереберность боковин. Последний из названных признаков уже начинают проявляться на сосудах развитого периода харьковско-воронежской (среднедонской) культуры Северского Донца [Берестнев, 1995, с. 154, рис. 9, 1, 2, 16; Берестнев, 2001, с. 194, рис. 35, 1 – 3, 8, с. 195, рис. 36, 4, 10, 11] и правобережья Среднего Дона [Березуцкая, 2003, рис. 61]. Образцы раструбных горшков с уплощенными пле-

чиками и приостренными боковинами, украшенные шнуровыми и валиковыми композициями, происходят из керамической коллекции одного из раннего позднекатакомбного Славяногорского поселения на Северском Донце [Санжаров, 2010, с. 41, рис. 8, 1, 14]. Частотность встречаемости этих признаков на этапе финала катакомбной культуры заметно возрастает. В это же время появляются пояски орнаментации и налепных валиков на внутренней поверхности шеек [Санжаров, 2010, с. 260], отмеченные С. Н. Братченко в качестве особых элементов декора памятников эпохи бронзы лесостепной зоны [Братченко, 1977, с. 32].

По целому комплексу признаков к позднейшей катакомбной группе керамики из поселения Бабино III принадлежат обломки от двух сравнительно высоких сосудов. Один из них выделяется узким горлом и раздутыми выпуклыми боками, приходящимися на середину высоты корпуса (рис. 2, 19). В значительном количестве фрагменты от сосудов подобной формы с различными модификациями найдены на позднекатакомбных поселениях Северского Донца [Санжаров, 2010, с. 258, рис. 188]. Чрезмерная раздутость боковин горшков особо ярко проявляется на позднекатакомбной реповидной посуде, известной на территории Восточной Украины из захоронений харьковско-воронежской культуры и памятников маньчжского типа [Смирнов, 1996, с. 155, рис. 23, с. 167, рис 34, 1 - 9]. Экземпляр такого сосуда, также с отогнутой короткой шейкой, встречен в позднекатакомбном погребении в яме с заплечиками у г. Александровска (кург. 1, погр. 49) [Санжаров, 2008, с. 24, рис. 2, 2], относимого Р. А. Литвиненко к захоронениям ранней группы КМК [Литвиненко, 2010, с. 191]. На финальной стадии катакомбного культурогенеза группа реповидных сосудов претерпела сильную трансформацию и, по всей видимости, была модифицирована либо в подобие корчагообразной формы, либо в приземистый банкообразный тип со стянутым внутрь верхним краем стенок [Санжаров, 2010, с. 76, рис. 37, 6].

Обломки второго высокого сосуда иллюстрируют горшок стройных пропорций с достаточно выпуклыми боковинами, расположенными в верхней трети высоты корпуса, и короткой раструбной шейкой (рис. 3, 5). В большинстве случаях аналогичные особенности форм наблюдаются в составе позднекатакомбного керамического комплекса [Смирнов, 1996, с. 173, рис. 40, 5; Берестнев, 2001, с. 198, рис. 39, 1; Березуцкая, 2003, рис. 61, 27, 35]. Достаточно близкие по форме сосуды известны как на Каменском поселении в Крыму [Рыбалова, 1974, с. 46, рис. 15, 4, 8; с. 48, рис. 16, 5], так и в сооружениях Ливенцовской крепости [Братченко, 2006, с. 107, рис. 49, 4, с. 109, рис. 51, 11, с. 110, рис. 52, 5]. Среди позднеабашевских и финальноабашевских керамических коллекций поселений Подонцовья (Черниково Озеро 1, Перебойное Озеро) можно отыскать сопоставимые формы подобных сосудов, но отличаются они несравненно мень-

шим диаметром боковин и весьма значительным диаметром венчиков, как минимум в два раза превышающих диаметр днищ [Санжаров, 2010, с. 187, рис. 134, с. 180, рис. 1, 2].

Разновидностью посуды первой группы Бабинского поселения являются сосуды не с раструбными, а прямыми и сужающимися шейками средней высоты (рис. 3, 1, 3, 4, 6-9). В целом они идентичны формам позднекатакомбных горшков с сужающимися шейками [Санжаров, 2010, с. 256, рис. 187, 1-10] и некоторым образцам керамики финальнокатакомбного типа [Санжаров, 2010, с. 262, рис. 191, 10, 11]. В декоре рассматриваемой посуды абсолютно доминируют валиковые мотивы. На их шейках присутствует валиковое многорядье. На плечевом поясе размещены валиковые дуги, треугольники и фестоны вершинами вверх. Спинки валиков преимущественно скруглены и украшены пальцевыми вдавлениями и защипами. Сосуд подобной формы снабжен петельчатой ручкой (рис. 3, 8).

Сплошная валиковая орнаментация распространялась и на придонную часть горшков (рис. 3, 14). А. В. Добровольский отмечал случаи наличия орнаментов даже на дне сосудов Бабинского поселения [Добровольский, 1957, с. 44].

Многочисленные аналогии среди позднекатакомбной керамики имеют фрагменты чаш и мисок поселения Бабино III (рис. 3, 10 - 12). В значительном количестве соответствия им представлены в составе бытовых керамических коллекций [Санжаров, 2010, с. 259, рис. 189, 17-42]. Обломок бабинского тигля (рис. 3, 13) слишком мал для основательной реконструкции. Аналогии ему присутствуют как в позднекатакомбных погребениях, так и среди находок Серебрянского поселения [Нечитайло, Санжаров, 2003, с. 227, рис. 1, 3-5, с. 234, рис. 5].

Керамику второй группы Бабинского поселения представляют обломки доно-волжских абашевских сосудов, по основным параметрам соответствующие абашевской посуде из жилища 2 (рис. 1, 10-15). Долгое время С. Н. Братченко осторожно называл фрагменты абашевских колоколовидных горшков из поселения Бабино III раструбными невысокими горшками, но тем не менее указал точные аналогии им среди колоколовидных сосудов с валиковым декором из поселения Александрия на Осколе [Братченко, 1977, с. 26]. Позднее им было отмечено наличие толченой ракушки в формовочной массе части керамики Бабинского поселения [Братченко, 2006, с. 209].

В составе керамики данной группы присутствуют как достаточно типичные абашевские колоколовидные (рис. 4, 1, 2, 4), так и подколоколовидные (рис. 4, 3, 5, 6) горшки. Один из них под желобчатой шейкой орнаментирован традиционным абашевским элементом – выразительным круговым желобом (рис. 4, 1). Декор остальных в большей степени – пояски из пальцевых вдавлений, горизон-

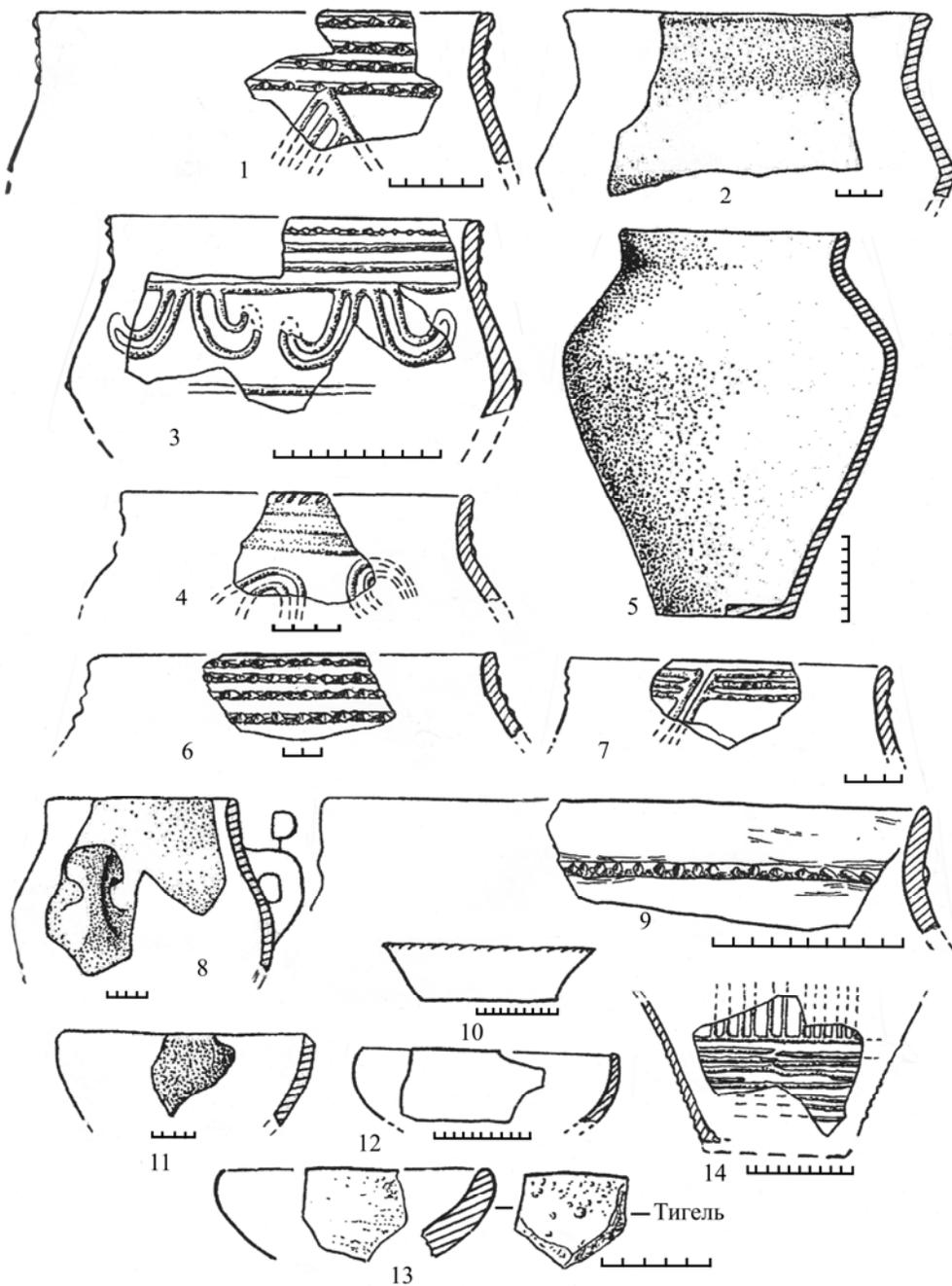

Рис. 3. Поселение Бабино III. Финальнокатакомбная керамика (первая группа)

тальные ряды из оттисков мелких штампов, прочерки в виде катакомбных полу-овалов. Некоторые орнаментальные мотивы, такие как ряды рельефных защипов под краем шеек, имитируют выделенные валики. Фрагменты сопоставимой по-

суды происходят из абашевских слоев северскодонецких поселений (Серебрянское, Черниково Озеро 1) [Санжаров, 2010, с. 122, рис. 78, 1 11, с. 188, рис. 135, 1]. Кроме достаточно типичных абашевских колоколовидных горшков с внутренним ребром по горлу и декора в виде круговых желобков под шейкой, зигзагов, штампов и прочерков в вертикальные ряды, часть сосудов этого типа из украинских бытовых памятников отражает позднекатакомбное воздействие, чаще в орнаментации. Так, сосуды колоколовидной формы из Серебрянского поселения украшены в позднекатакомбной традиции радами шнуровых треугольников вершинами вверх, наклепными шишечками и многорядьем выделенных валиков [Санжаров, 2010, с. 122, рис. 78, 1, 3, 4, 6]. Пояски из наклепных валиков и треугольников вершинами вверх, прочерки маркируют колоколовидные горшки из Александрии и Волынцево [Братченко, 1977, с. 29, рис. 4, 4, 7-9]. Примечательно, что некоторые абашевские элементы декора (ромбики, вертикальные группировки фигур в шахматном построении) на сосудах из Восточной Украины начинают деформироваться, становятся более крупными и выполняются преимущественно оттисками крупного гребенчатого штампа, как на посуде поселения Круглое Озеро [Санжаров, 2010, с. 171, рис. 119, 1, 2].

Модифицированный миниатюрный острореберный сосудик с прочерченной вертикальной елочкой (рис. 4, 7) выше уже рассматривался в составе керамического комплекса жилища 2. Подобные очертания корпуса сосудов, следует полагать, в позднейшее катакомбное время могли стимулировать увеличение частотности острореберности боковин горшков и придание им своеобразной биконичности. Плавный отгиб шейки миниатюрного острореберного сосудика и переход горла в отвесные плоские плечики находят дублирующее отражение в профилировках более крупных сосудов первой группы Бабинского поселения (рис. 2, 18, 20).

Замыкают рассмотрение группы абашевской бабинской керамики сосуда горшковидной формы (рис. 4, 8, 9). В зависимости от степени отгиба шеек, конфигурации плечиков и боковин, эти формы, судя по находкам на восточноукраинских поселениях, могут служить исходным прототипом различных вариаций горшковидных сосудов [Санжаров, 2010, с. 287, рис. 198, 16 - 28]. Определенную колоколовидность они иллюстрируют в тех случаях, когда диаметр венчиков совпадает или близок диаметрам боковин корпуса. Характерным их декором становятся параллельные ряды, зигзаги, треугольники и ромбики, выполненные как прочерками, так и оттисками крупного штампа. Судя по керамике из финальноабашевских (покровских) захоронений Северского Донца [Гершкович, 1982, с. 54, рис. 4, 4 - 9], элементы этих орнаментов эволюционируют вплоть до раннесрубного периода.

Третью группу керамики поселения Бабино III формируют обломки сосудов, которые по своим характерным особенностям и декору не нашли отражения

среди керамического комплекса полуземлянки – жилища 2. В виду этого обстоятельства они, несомненно, могут иллюстрировать лишь культурный облик позднего горизонта, маркируемого глинобитной постройкой (жилище 1) и примыкающей к ней глинобитной площадкой.

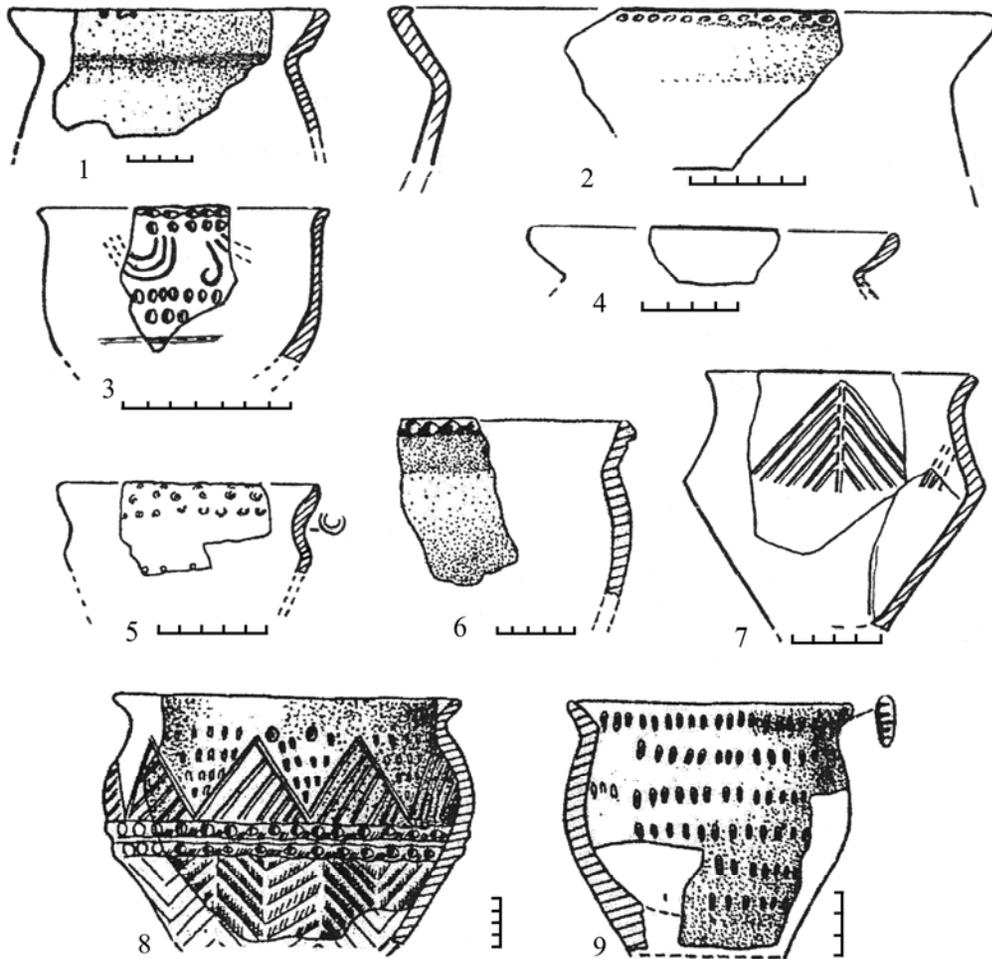

Рис. 4. Поселение Бабино III. Синкретическая керамика с признаками доно-волжской абашевской культуры (вторая группа)

В эту позднюю группу керамики Бабинского поселения входят приземистые сосуды с короткими прямыми или слабораструбными шейками (рис. 5, 1-13), низкими уплощенными плечиками и ребром на боковинах (рис. 5, 18). По всей видимости, есть основания полагать, что данный тип сосудов генетически восходит к тем формам посуды первой и второй групп керамики Бабинского поселения, в которой в той или иной степени отразился позднекатакомбно-абашевский синкретизм керамических традиций. Элементы орнаментации посу-

ды третьей группы крайне просты, лимитированы и сведены до минимума. Преимущественно используются одиночные пояски из крупных наlepных валиков со скругленными неорнаментированными спинками. Весьма редко эти валики декорированы крупными пальцевыми оттисками с ногтевыми вдавлениями. Размещены подобные пояски как на горле, так и боковинах корпуса сосудов. Среди прочих орнаментальных элементов и сюжетов отмечены валиковые зигзаги и треугольники (рис. 5, 2), прочерченные вертикальные елочки (рис. 5, 8) и зигзаги (рис. 5, 5), пояски мелких разнообразных штампиков (рис. 5, 12). Слабая степень изогнутости горла и выпуклость боковин могут придавать сосудам рассматриваемой формы некую тюльпановидность (рис. 5, 8, 9, 12, 13).

Новым для Бабинского поселения типом сосудов выступают обломки посуды банкообразной формы с прямыми или сужающимися у верхнего края стенками (рис. 5, 14 – 17, 19, 20). В их декоре отмечены простые шнуровые пояски и одиночные ряды шнуровых штампов в виде маленьких полуovalов (рис. 5, 15, 16), прочерченных поясков и зигзагов (рис. 5, 14), наlepных валиков с пальцевыми вдавлениями (рис. 5, 17) и узких желобков под верхним краем стенок (рис. 5, 20).

Фрагменты от сосудов близких форм с вертикальным или слегка отогнутым краем стенок, низкими уплощенными боковинами, ребристыми боковинами, украшенными скудными насечками и валиками, встречены на северскодонецких поселениях с представительными финальнокатакомбными слоями и сопутствующей им поздней и финальноабашевской керамикой – Серебрянское [Санжаров, 2010, с. 117, рис. 73, 1, 4 - 8], Надтеррасное [Санжаров, 2010, с. 139, рис. 91, 1-3], Черниково Озеро 1 [Санжаров, 2010, с. 179, рис. 127, 1, 2, с. 195, рис. 142, 8], Шмелевое [Санжаров, 2010, с. 247, рис. 184, 1, 2]. Близки банкообразным формам сосуды с «покровским зигзагом» и некоторые профилированные обломки из сооружения 4 Ливенцовской крепости [Братченко, 2006, с. 100, рис. 42, 10, с. 101, рис. 43, 1, 7 - 9]. Значительно более многочисленные образцы подобной керамики встречены на степном многослойном поселении Раздольное на реке Кальмиус, содержащем выразительный позднемноговаликовый слой [Горбов, Усачук, 2001, с. 178, рис. 16, 13, 16, 19 – 24, с. 185, рис. 21, 16, 18, с. 187, рис. 23, 12, 17]. Приведенные аналогии позволяют атрибутировать третью группу керамики Бабинского поселения, в том числе и наземное глинобитное жилище 1 с прилегающей глинобитной площадкой, позднемноговаликовым горизонтом древностей. С этим утверждением согласуется и находка на поселении Бабино III костяной овальной пряжки с двумя отверстиями [Добровольский, 1957, рис. 2, 4], весьма близкой такому же изделию из Раздольного [Горбов, Усачук, 2001, с. 193, рис. 28, 2].

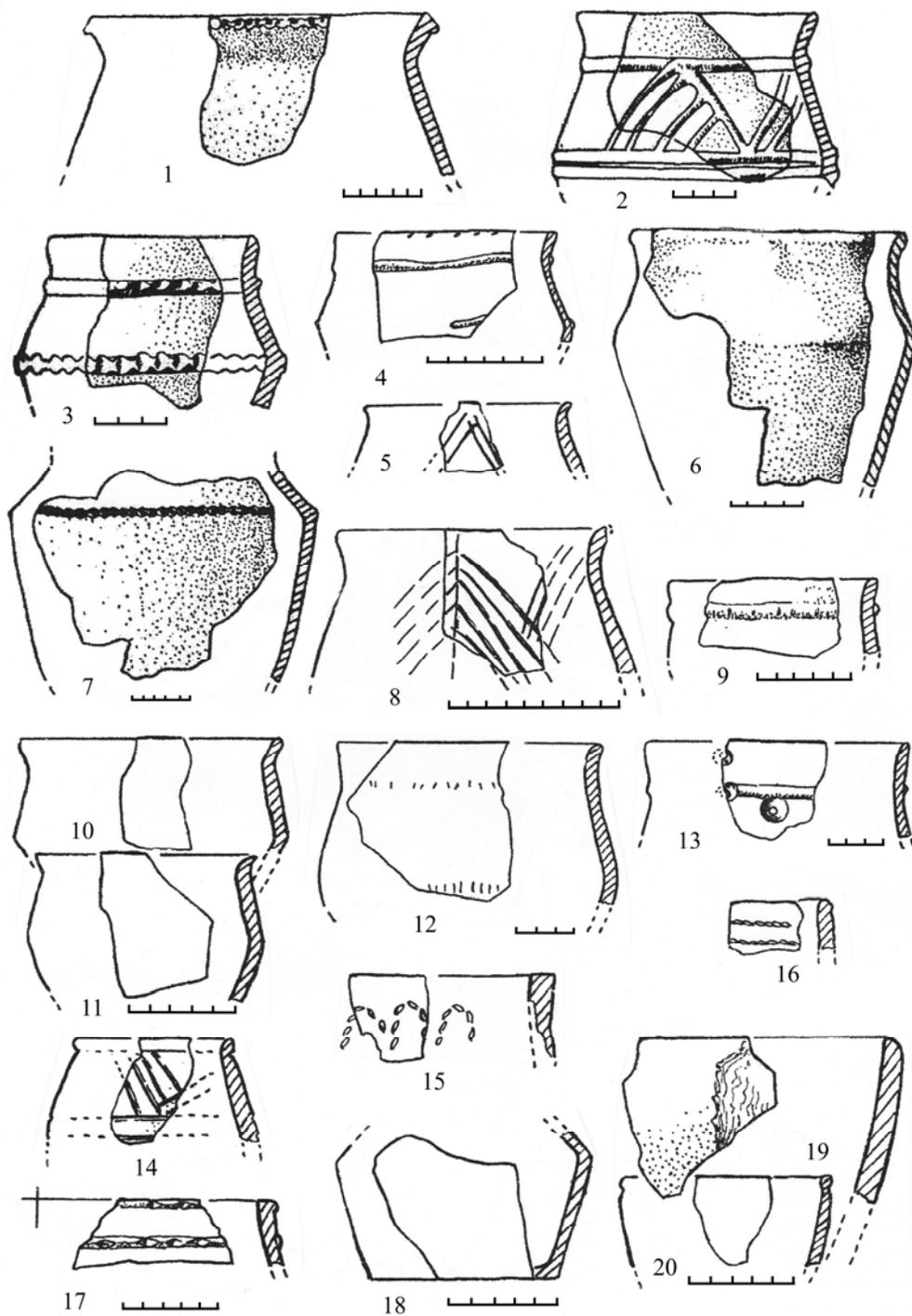

Рис. 5. Поселение Бабино III. Керамика позднейшего этапа культуры многоваликовой керамики (третья группа)

На материалах поселений Северского Донца уже рассматривался вопрос о причинах финальноабашевского синкретизма с позднейшей катакомбной традицией в орнаментации сосудов [Санжаров, 2004, с. 133]. Речь идет о феномене формирования в пределах степной зоны Украины и Нижнего Подонья на финальнокатакомбной и финальноабашевской культурной основе наиболее поздних памятников культуры многоваликовой керамики, для обозначения которых может быть применен термин «посткатакомбные древности», поскольку они представляют по своей сути уже посткатакомбное культурное образование.

Актуален вопрос о соответствии керамического комплекса из полуземлянки-жилища 2 Бабинского поселения, керамики первой группы конкретной посуде из погребальных источников. По элементам вариации форм, шнуровым, валиковым и прочерченным декорам, керамика первой группы поселения Бабино III, с одной стороны, находит массовые аналогии среди посуды из позднекатакомбных захоронений как в катакомбах [Санжаров, 2010, с. 316, рис. 208], так и в ямах [Санжаров, 2010, с. 344, рис. 221], а с другой – соответствует керамике из погребений раннего этапа культуры многоваликовой керамики (финальнокатакомбных) [Санжаров, 2010, с. 344, рис. 224]. Недавно интересное наблюдение сделал Р. А. Литвиненко относительно того, что на позднем этапе катакомбной культуры Северского Донца многоваликовая керамика лучше представлена на поселениях, чем в погребениях, и привел ситуацию со Средним Доном, где отмечена другая картина [Литвиненко, 2011, с. 190]. Однако на Среднем Дону в погребениях второго этапа среднедонской культуры все же доминирует шнуровая, а не валиковая керамика. Сосуды с валиковой орнаментацией преобладают только в захоронениях третьего заключительного, финального этапа среднедонской культуры [Березуцкая, 2003, рис. 61]. Этот период синхронен финальнокатакомбному этапу в бассейне Северского Донца, где многоваликовая керамика как раз доминирует.

Если на Среднем Дону катакомбная культура эволюционировала, то на Северском Донце финальнокатакомбные древности сформировались в результате катакомбно-абашевского синкретизма и восприняли абашевскую традицию лимитирования всего погребального приданого [Санжаров, 2008, с. 30]. На позднекатакомбных донецких поселениях действительно представлен почти весь состав типов керамики – и столовая, и кухонная, но валиками в большинстве случаях украшены лишь крупные кухонные сосуды. Их обломки нередко использовались в качестве жаровень и встречены в захоронениях. Так, в поздней катакомбе у Степного (кур. 2, погр. 5) четыре небольших сосуда представляют столовую группу без валикового орнамента, а жаровня изготовлена из крупного горшка с валиковым декором [Санжаров, 1993, с. 25, рис. 3]. Как уже неоднократно отмечалось, в силу своей избирательности погребальное приданое не

может в полной мере отражать материальную культуру, в широкой степени представленную на бытовых памятниках. Поэтому бытовые керамические комплексы всегда более информативнее погребальных.

Более проблематичен поиск аналогий среди погребальных сосудов, отражающих особенности абашевской посуды из жилища 2, керамики второй группы Бабинского поселения. Курганные могильники в регионе мест концентрации поселений с абашевской керамикой (участок донецкого левобережья между устьями рек Красная и Жеребец) почти не исследовались. В этом плане важен сосуд, обнаруженный в раннем погребении КМК в кургане на правобережном донецком плато вблизи Николаевки в относительной близости от устья Жеребца (кург. 1, погр. 1). Как и керамика второй группы Бабинского поселения, он отражает абашевско-катакомбный синкретизм традиций – имеет характерную абашевскую колоколовидность, прочерченный зигзаг на горле, прочерченный елочный декор на боковинах и придонной части [Санжаров, 2010, с. 345, рис. 224, 9].

Таким образом, культурно-типологические членения керамики поселения Бабино III, базой для которого послужил керамический комплекс полуземлянки-жилища 2, устанавливает культурную разнородность всей коллекции. Само поселение возникло на позднекатакомбной основе с заметным участием инокультурного доно-волжского абашевского компонента. Ранний культурно-хронологический горизонт фиксирует синкретизм керамических традиций катакомбной и абашевской культур, их взаимопроникновение, трансформацию и отражает сложные проявления процесса перехода катакомбной культуры от поздней к финальной стадии развития. В этом плане ранний слой Бабинского поселения представляется начальным в финальной стадии катакомбного культурогенеза на территории современной Восточной Украины.

Поздний культурно-хронологический горизонт, как и глинобитная наземная постройка – жилище 1 с прилегающей глинобитной площадкой, судя по керамике третьей группы, атрибутируется позднейшим многоваликовым периодом. По своей временной и культурной позиции это уже посткатакомбный культурный тип, характерный для степной зоны Украины и Нижнего Дона.

Введенный С. Н. Братченко термин «бабинская культура» был вполне целесообразным на этапе осмысления материального содержания поселения Бабино III, поиска аналогий бабинской керамики среди бытовых памятников и вычленения специфических погребений, содержащих керамику бабинского типа. В настоящее время вполне уместно использовать понятие «памятники бабинского типа» в отношении идентификации бытовых древностей. Однако в отношении всей группы погребальных источников КМК данный термин представляется неуместным не только по своей поселенческой сути, но и в связи с отсутствием культурной гомогенности керамического комплекса Бабинского поселения, т.е.

обязательной основы для идентификации однокультурных погребальных источников. В интерпретационных построениях нам представляется более лояльным в научном отношении использование сложившегося понятия КМК, наиболее ранние древности которой соотносятся с финалом катакомбной культуры, с ранним культурно-хронологическим горизонтом поселения Бабино III, а наиболее поздние – репрезентируют посткатакомбное степное культурное образование.

Список использованных источников

1. *Березанская С.С.* Культура многоваликовой керамики // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1986. – С. 5-43.
2. *Березанская С.С.* О погребениях культуры многоваликовой керамики // МАСП. – 1962. – Вып. 4. – С. 6-15.
3. *Березанская С.С.* Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине // СА. – 1960. – № 4. – С. 26-41.
4. *Березанская С.С., Шапошникова О.Г.* Рецензия на книгу Т.Б. Поповой «Племена катакомбной культуры» // СА. – 1957. – № 2. – С. 270-275.
5. *Березуцкая Т.Ю.* Среднедонская катакомбная культура и ее локальные варианты. – Воронеж: ВГПУ, 2003. – 216 с.
6. *Берестнев С.И.* Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.). – Харьков: ПФ Амет, 2001. – 264 с.
7. *Берестнев С.И.* Новолатоновский катакомбный курганный могильник на р. Оскол // Древности. – Харьков, 1995. – С. 134-145.
8. *Братченко С.Н.* К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики) // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. – К.: Наук. думка, 1977. – С. 21-42.
9. *Братченко С.Н.* Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вып. 6. – Луганськ: СНУ, 2006. – С. 32 – 310.
10. *Братченко С.Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. – К.: Наук. думка, 1976. – 216 с.
11. *Братченко С.Н.* Периодизация памятников средней бронзы бассейна Нижнего Дона // Автореф. канд. дис. – К., 1969. – 24 с.
12. *Гершкович Я.П.* Культурно-хронологические группы погребений эпохи средней-поздней бронзы кургана у с. Пришиб // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. – К.: Наук. думка, 1982. – С. 46-61.
13. *Горбов В.Н., Усачук А.Н.* Раннесрубно-многоваликовый горизонт поселения Раздольное в Приазовье // Археологический альманах. – № 10. – Донецк, 2001. – С. 155-196.
14. *Добровольский А.В.* Поселение бронзового века Бабино III // КСИА. – 1957. – Вып. 7. – С. 40-45.
15. *Латынин Б.А.* К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамикой // АСГЭ. – 1964. – № 6. – С. 53-71.
16. *Литвиненко Р. О.* Донецько-донський катакомбний компонент у бабинській культурогенезі // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – 2011. – № 11. – С. 179 – 200.

17. Литвиненко Р.А. Днепро-донская бабинская культура (источники, ареал, погребальный обряд) // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Луганськ: СНУ, 2006. – С. 157-187.
18. Литвиненко Р.А. К оценке культуры многоваликовой керамики Восточного Надазовья // ТДНК «Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век)». – Ч. 1. – Донецк, 1996. – С. 65-71.
19. Литвиненко Р.А. О рубеже катакомбной культуры и КМК (Бабино) в бассейне Северского Донца // Донецкий археологический сборник. – № 9. – Донецк: Дон НУ, 2001. – С. 165-181.
20. Литвиненко Р.А. Южно-Уральский очаг культурогенеза и культура Бабино (КМК): проблема взаимосвязи // ТДНК «Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие». – Чебоксары, 2003. – С. 145-152.
21. Литвиненко Р.О. Пам'ятки типу Бабине III: від культури до культурного кола // Нові сторінки історії Донбасу. – Книга 15/16. – Донецьк: ДНУ, 2008. – С. 342 – 354.
22. Литвиненко Р.О. Генеза, розвиток та історична доля культурного кола Бабине // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вип. 9 – Луганськ: СНУ, 2009. – С. 44 – 90.
23. Литвиненко Р.О. Зрубна культура басейну Сіверського Дінця. – Автореф. канд. дис. – К., 1994. – 21 с.
24. Нечитайло А.Л., Санжаров С.Н. Metalлообработывающий комплекс поселения Серебрянское // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. – Вип. 1. – Луганск: ВНУ, 2003. – С. 226-237.
25. Писларий И.А. Культура многоваликовой керамики Восточной Украины. – Автореф. канд. дис. – М., 1983. – 22 с.
26. Попова Т. Б. К вопросу о многоваликовой керамике // СА. – 1960. – № 4. – С. 42-50.
27. Попова Т.Б. Племена катакомбной культуры. – Труды ГИМ. – Вип. 24. – М.: Госкультпросветиздат, 1955. – 178 с.
28. Пряхин А.Д., Беседин В.И. Остроречерные абашевские сосуды Доно-Волжского региона // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. – Вип. 11. – Воронеж: ВГУ, 1998. – С. 60-71.
29. Рыбалова В.Д. Поселение Каменка в Восточном Крыму // АСГЭ. – 1974. – Вип. 16. – С. 19-49.
30. Санжаров С.Н. Возрождение ямных традиций или проблема идентификации признаков абашевского погребального обряда в Подонцовье // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вип. 8. – Луганськ: СНУ, 2008. – С. 20-37.
31. Санжаров С.Н. Восточная Украина на рубеже эпох средней – поздней бронзы. – Луганск: ВНУ, 2010. – 488 с.
32. Санжаров С.Н. Кайдашинский комплекс поселений рубежа средней-поздней бронзы в системе древностей Северского Донца. – Луганск: ВНУ, 2004. – 160 с.
33. Санжаров С.Н. О культурной специфике поселения Бабино III и финальнокатакомбных древностях // Матеріали III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н. Братченка. – Луганськ, 2012. – С. 341 – 346.
34. Санжаров С.Н. Финальнокатакомбные материалы поселение Заозерное I в Подонцовье и некоторые вопросы интерпретации позднейших катакомбных памятников // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вип. 11. – Луганськ: СНУ, 2011. – С. 164 - 178

35. Санжаров С.Н. О некоторых вопросах культурного развития и хронологии в позднекатакомбное время // Российская археология. 1993. - № 1. С. 21 – 30.
36. Смирнов А.М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. – М., 1996. – 182 с.
37. Шапошникова О.Г. Катакомбная культурно-историческая область // Origini. – V. III. – Roma, 1969. – P. 85-118.
38. Шапошникова О.Г. Про пам'ятки часу катакомбної культури в Степовому Подніпров'ї // Археологія. – 1968. – Т. XXI. – С. 79-94.
39. Шарафутдинова Э.С. Тенденции развития посуды в культуре многоваликовой керамики (КМК) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). – Самара: СГПУ, 1995. – С. 124-140.

С. М. Санжаров

ПРОБЛЕМИ ФІНАЛУ КАТАКОМБНОГО КУЛЬТУРОГЕНЕЗУ І КЕРАМІЧНИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕННЯ БАБИНЕ ІІІ

В статті розглядаються питання відокремлення пам'ятників типу поселення Бабине ІІІ в самостійне культурне явище бронзового віку, яке отримало найменування культури багатоваликової кераміки. Аналізується склад поховальних і поселенських джерел та мотиви, що спонукали українського археолога С.Н. Братченка запропонувати цій культурі інше найменування – бабинська культура.

Автор акцентує увагу на домінування пізньокатакомбного компонента в матеріальному складі раннього етапу культури багатоваликової кераміки і пропонує виділити його у фінальний етап катакомбної культури, який сформувався в результаті взаємодій і трансформації племен пізнього етапу катакомбної і доно-волзької абашевської культури. У підтвердженні своїх висновків автор наводить результати культурно-хронологічного розчленування керамічної колекції поселення Бабине ІІІ, які заперечують гомогенність цієї пам'ятки і встановлюють наявність двох культурно-хронологічних горизонтів. Нижній з них співвідноситься з фіналом катакомбної культури, а пізній – з найбільш пізніми пам'ятками культури багатоваликової кераміки. Саме верхній горизонт поселення Бабине ІІІ доречно розглядати у рамках посткатакомбного степового утворення. Дана стаття показує неправомірність подальшого використання терміна «Бабинська культура».

THE PROBLEM ON FINAL PERIOD OF THE CATACOMB CULTURE AND CERAMIC COMPLEX OF THE BABINO III SETTLEMENT

This article discusses the issues of determination of the Babino III-type sites as a separate phenomenon of the Bronze Age that was named the Mnogovalikovaya culture. The author analyzes the goods found in graves and at settlements, and considers motives behind a decision of Ukrainian archaeologist S. N. Bratchenko to offer a different name for the culture - the Babino culture.

Special attention is paid to the formation of the component of the Late Catacomb culture in material characteristics of the early stage of the Mnogovalikovaya culture. The author suggests to single them out into the final period of the Catacomb culture that was formed as a result of interrelations and transformation of tribes of the late stages of the Catacomb culture and the Abashevo culture of the Don-Volga variant.

The author supports his conclusions with results of the cultural and chronological sorting of the ceramic assemblage from the Babino III settlement, the examination of which rejects homogeneity of the settlement and reveal the existence of two cultural and chronological horizons. The lower horizon corresponds with the end of the Catacomb culture, while the upper one is contemporary to the most latest sites of the Mnogovalikovaya culture. Precisely this upper horizon of the Babino III settlement the author suggests to consider within the structure of the post-Catacomb cultural formation in the steppe. The article proves that the further use of the term «the Babino culture» is unjustified.